

Деревенскому старосте Вану перевалило за пятьдесят. Человек он был строгий и пользовался в Сипине неоспоримым авторитетом. Когда он сам предложил Ли Чжоучжоу место на телеге, тот не посмел отказаться. Да и, честно говоря, в глубине души юноше очень хотелось попробовать.

Не из лени или страха перед долгой дорогой — просто раньше Чжоучжоу не раз с завистью поглядывал на счастливых, чинно восседавших на возу. Тогда его не звали, а теперь представился случай. Но, просидев на телеге некоторое время, он понял: ничего особенного в этом нет.

Раньше Ли Чжоучжоу шагал рядом с быком или плелся позади, слушая смех и досужие разговоры пассажиров. Теперь же он сам смотрел на мир с высоты повозки.

Ощущения оказались далеки от детских мечтаний. Места было в обрез — телегу доверху нагроузили дровами и корзинами с яйцами, которые сельчане везли на продажу. Приходилось сидеть, поджав ноги, а без движения холод быстро пробирался под одежду. К тому же он то и дело ловил на себе взгляды односельчан, идущих по бокам и сзади. Это смущало. Куда привычнее и теплее было месить снег сапогами.

В конце концов, не выдержав и четверти пути, Ли Чжоучжоу спрыгнул на землю.

— Что это ты? — усмехнулась одна из деревенских тётушек. — Чего не сидится?

— Пешком оно как-то теплее, — ответил юноша.

— И то верно. Телега-то груженная, тебе с твоими ногами там и повернуться-то негде было.

Чжоучжоу лишь кротко улыбнулся. Если он не знал, что ответить или как поддержать беседу, то просто кивал или вежливо улыбался. Соседки знали его нелюдимый нрав, а потому не обиделись и быстро переключились на свои разговоры.

Главной темой последних дней в деревне стали печи. То и дело слышалось: «А вы купили?», «Купили-купили! Вчера даже маньтоу на ней поджарили — насадили на палочку, покрутили, и готово», «А мой-то охламон решил арахис рядом подсушить, так всё спалил, я так ругалась...»

Син-гэ'эр легонько потянул друга за рукав и, заговорщицки подмигнув, прошептал:

— Слышал я, вы с тётушкой Ван повздорили?

— Угу, — неохотно признал Чжоучжоу.

— И чем же она тебя допекла? Уж на что у тебя характер золотой, а и ты не сдержался.

Они немного замедлили шаг, пропуская остальных вперед. Тётушка Ван сегодня тоже была здесь: впереди, на телеге, лежали две вязанки её дров. В прошлые годы многие возили хворост в город, но нынешняя зима выдалась такой лютой, что почти все приберегли запасы для новых печей. И только Ваны по-прежнему везли дрова на рынок.

Стоило разговору зайти о печах, как кто-то окликнул соседку:

— Тётушка, у вас же внуку всего полгода. Мы-то думали, вы все дрова нынче сами сожжете, а вы продавать везете.

— Да, — подхватил другой голос, — купили уже печку-то? Вы же с Чжоучжоу через стену живете, небось одними из первых весть услышали.

Тётушка Ван натянуто улыбнулась:

— Дров мы нынче в достатке припасли, еще и останется. А за печью я старшего сына на днях пошлю.

— Сегодня, что ли? Так зря пойдет. С двадцать восьмого числа гончар Чжу мастерскую закрыл до весны.

Улыбка мгновенно сползла с лица тётушки Ван. Собеседники, заметив её помрачневший вид, поспешили сменить тему: принялись обсуждать покупки — кому ленты для дочерей, кому сладости для детворы... Дорого, конечно, но ведь Новый год на носу, можно и потратиться.

Ли Чжоучжоу и Син-гэ'эр, отстав на приличное расстояние, вкратце обсудили историю с печью. Услышав подробности, Син возмущенно фыркнул:

— Ну и наглая же баба! «Твоя старая печка мне сгодится, уступи за десять вэней» — подумать только!

— Я ей отказал, так что и говорить об этом не стоит, — отрезал Чжоучжоу.

Син-гэ'эр спорить не стал, лишь смирил его одобрительным взглядом.

— Раньше ты бы точно промолчал, не посмел бы отказать и сам бы в убытке остался. Хорошо, что ты изменился.

— Я ведь не дурак, — отозвался Ли Чжоучжоу. — Просто раньше всё это были мелочи: куском

меньше, дорогой дольше... Не из-за чего было спорить.

Син-гэ'эр понимающе кивнул. Он вспомнил, как сам первым выходил замуж и переживал за друга, подыскивал ему женихов среди деревенских парней — пусть те и были неказисты с лица, зато работающие. Но Чжоучжоу тогда только качал головой, и никакие уговоры не могли заставить его согласиться.

— Ладно, бог с ней, с тётушкой Ван. Я вот что скажу: послушался я тебя, решил со старшей невесткой мирно жить. Печь в общую залу ставить не стал, у себя в комнате держу, но племянников к себе погреться зову. Угощаю их семечками да арахисом. Так невестка теперь ко мне со всей душой! Сама вызвалась Юаньюаню пеленки стирать. Видать, совесть её грызет: она ведь раньше свекровь против меня подначивала...

Старшая невестка Сина, госпожа Сюй, была женщиной работающей и дельной, но прижимистой — вся в свекровь. Однако холод — лучший учитель. Взрослые еще могли потерпеть, а вот детям приходилось туго.

Сын и дочь госпожи Сюй быстро повадились ходить к дяде Сину в комнату. Там было тепло, всегда находилось какое-нибудь лакомство, да и с маленьким Юаньюанем поиграть было в радость. Узнав об этом, госпожа Сюй сменила гнев на милость.

— Свекровь на меня теперь тоже косо не смотрит, — довольно продолжал Син-гэ'эр. — Сегодня в город провожала, сама денег на орехи дала, да еще пять вэней сверху добавила — велела лапши горячей поесть, чтоб не замерзла.

Чжоучжоу искренне порадовался за друга.

В городе народ разбрелся кто куда. Одни продавали яйца, мясо и дрова, другие присматривали товары к празднику.

Те, кто забил свиней пораньше, старались сбыть излишки мяса, чтобы выручить немного денег. Ткани на наряды и вату для подстежек все закупили заранее, так что теперь в лавках брали в основном сахар, сладости, вино да соль. Те, кто не чаял души в детях, присматривали игрушки, платки да яркие шнурки для волос.

Поскольку все заранее знали, кто за чем приехал, люди разбились на группы. Сговорившись встретиться у ворот к назначенному часу, односельчане разошлись по делам.

Ли Чжоучжоу и Син-гэ'эр держались вместе. Основные покупки они сделали еще дней десять назад, так что теперь Син быстро управился с поручениями свекрови, купив соль и сушеные припасы. Рядом как раз была лавка со сладостями. На Новый год ему предстояло навестить родной дом, а его мать очень любила пустить пыль в глаза соседям, так что без сахара и хорошего вина было не обойтись. Старшая невестка тоже просила прихватить сладостей и орехов для детей, выделив на это пятнадцать вэней.

— Чжоучжоу, зачем ты берешь сразу три блока сахара? К чему столько? — ахнул Син-гэ'эр.

— Муж мой хочет на праздниках навестить учителя, — пояснил юноша.

— Так он же его больше не учит. Зачем такие подношения?

— Сянгун хочет расспросить наставника о некоторых тонкостях в науках, — коротко ответил Чжоучжоу, не вдаваясь в подробности.

Син-гэ'эр только сокрушенно покачал головой:

«Учение — дело разорительное».

Завершив покупки, они прихватили вина, орехов и мелкую игрушку для Юаньюаня.

— Пойдем, поедим лапши? — предложил Син, опасаясь, что друг откажется. — Мы рано управились, остальные еще не скоро соберутся. Чего на морозе у ворот стоять?

— Пойдем, — согласился Ли Чжоучжоу.

У лотка с лапшой Син-гэ'эр заказал себе порцию с мясом и очень удивился, когда его спутник сделал такой же заказ.

— Я думал, ты решишь сэкономить и возьмешь пустую, — заметил он.

— Изредка можно себе позволить, — ответил Ли Чжоучжоу.

А про себя подумал, как муж перед самым его уходом строго наказывал: «В городе холодно, покупки — дело тяжкое. Обязательно пообедай горячим, не возвращайся на пустой желудок. И закажи что-нибудь с мясом, обещаешь?»

От воспоминания о том, как Сянгун ластился к нему, выпрашивая это обещание, на сердце у юноши стало невыносимо тепло.

Покончив с едой, они первыми вернулись к телеге у городских ворот. Вскоре потянулись и остальные. Кто-то укладывал покупки, кто-то хвастался обновками, щелкая семечки в ожидании отставших.

Син-гэ'эр мигом влился в общую беседу, а Ли Чжоучжоу стоял рядом, прислушиваясь.

— Кого еще нет? — спросил староста Ван.

Кто-то, окинув взглядом толпу, отозвался:

— Тётушки Ван и госпожи Тянь из семьи Чжан.

Делать нечего, пришлось ждать. Наконец, запыхавшиеся, показались и они. На обратном пути телега была полна вещей, так что все шли пешком, сложив свои корзины на воз.

— Что же вы так долго?

— Ох, и не спрашивайте! До смерти рассердили меня! — запричитала госпожа Тянь. — Пошла я за сахаром, вижу — товар один в один как везде, а с меня требуют на три вэня больше! С какой стати, спрашивается?

— Ты небось в ту новую лавку зашла? — отозвался кто-то. — Знаю я её, там и впрямь на три вэня дороже, но говорят, товар у них тяжелее выходит. Я сама брать не стала, в старую лавку пошла.

— Так и шла бы в старую, раз дорого показалось.

— А вот и не пойду! Мне в новой лавке упаковка приглянулась: перевязано красным шнурком, его потом и как ленту для волос использовать можно. На Новый год племяннице подарю — и сладость, и украшение.

В старой-то лавке всё по старинке — пеньковой веревкой связывали.

Пока госпожа Тянь возмущалась, староста спросил тётушку Ван, почему та задержалась. Соседка ответила сухо, без тени улыбки:

— Лавка, что в прошлом году мои дрова брала, нынче отказалась. Пришлось по другим дверям стучать.

Оказалось, из-за ранних холодов многие горожане закупились топливом заранее. Тётушке Ван пришлось долго искать покупателя, и в конце концов она сбывла дрова перекупщику, который, видя её отчаяние, сбил цену сразу на десять вэней. Не тащить же вязанки обратно... В итоге она выручила за свой труд на пятнадцать вэней меньше, чем в прошлом году. Как тут не расстроиться?

Но рассказывать об этом односельчанам она не стала — знала, что только на смех поднимут. Пришлось глотать обиду молча.

В деревню вернулись уже затемно.

Ли Чжоучжоу первым делом умылся горячей водой. Гу Чжао уже приготовил ужин, но есть не садился, ожидая супруга. Чжоучжоу прибрал покупки, аккуратно разложив их, но отец, ушедший сегодня в деревню Дунпин, так и не возвращался.

— Что же он так долго? — Гу Чжао вышел к воротам, но в непроглядной темени ничего не было видно.

— Отец говорил, что сегодня только два дома в Дунпине остались, — нахмурился юноша. — По совести говоря, давно должен был прийти.

Они прождали еще какое-то время, но когда стало совсем поздно, решили поужинать сами. Убрав со стола, они оставили еду для Ли Да томиться на печи в зале, а сами спать не ложились.

Ли Чжоучжоу места себе не находил, с каждой минутой становясь всё бледнее. Гу Чжао уже всерьез подумывал зажечь фонарь и отправиться на поиски.

Наконец в ворота постучали. Супруги бросились открывать. На улице повалил снег, Ли Да стоял весь белый, с ног до головы припорошенный сугробами. В руках у него не было привычных связок с потрохами. Чжоучжоу, хоть и тревожился весь вечер, теперь с облегчением выдохнул: главное — отец вернулся живым и невредимым, а потроха — дело десятое.

Уже в доме, согревшись горячим питьем, Ли Да рассказал:

— Всё в порядке. Утром управился в двух домах, да встретил второго дядю твоего мужа. Так тот пристал — мол, забей и нам свинью, да еще и старшему его брату тоже надо.

Вот и вышло, что отец сегодня зарезал четырех свиней и вымотался до предела.

Гу Чжао только вздохнул. Можно было и не спрашивать, куда подевались потроха.

Ли Да, щадя чувства зятя, не стал говорить прямо:

— Закончил поздно, а раз родственники — потроха я брать не стал.

Дядя Гу Чжао хотел было заплатить натурой, но Ли Да отказался.

— Ну а те потроха, что с утренних заказов остались? Куда они делись? — прямо спросил Гу Чжао.

— Да мачеха твоя... — замялся Ли Да. — Зашла, увидела. Сама знаешь, она сейчас тяжелая, всё ей хочется чего-нибудь эдакого...

Отец и сын были на редкость похожи характерами — оба не умели отказывать родне.

— Отец, — решительно проговорил Гу Чжао, — если Ли Гуйхуа в следующий раз станет что-то выпрашивать, не мучайтесь совестью. Прямо на меня ссылайтесь. Скажите: муж мой здоровьем слаб, что съест — тем и прирастет. А не будет хорошо питаться — так и наследников от него не дождетесь.

Ли Да поперхнулся. Ли Чжоучжоу густо покраснел.

«Ну как муж может такое про себя говорить! — юноша сердито сжал пальцы. — Ведь на кането он очень даже... кхм... молодец!»

Ли Да кашлянул:

— Потрохов-то у нас в достатке. Раз мачеха твоя в тягости — пусть берет, не жалко.

— Что ж, тогда на Новый год я им мяса не понесу, — подытожил Гу Чжао, не желая оставаться в убытке. — Раз им потрохов надавали, да еще в двойном размере, значит, в еде они не нуждаются.

На том и порешили. Поужинали и легли спать. Завтра Ли Да предстояло бить свиней уже в своей деревне.

Наступило двадцать девятое число двенадцатого месяца.

В ворота семьи Ли постучали. Ли Чжоучжоу, пока отец был занят делом, пошел открывать. На пороге стояли двое незнакомых людей — мужчина и женщина, явно не из их краев.

— Мы из деревни Шили приехали. Отец мой — гончар Чжу.

Юноша сразу понял, кто перед ним, и поспешил пригласить гостей в дом.

Это были сын гончара с женой. Приехали они не с пустыми руками. Сын мастера был на несколько лет старше Чжоучжоу, а его супруга оказалась женщиной бойкой и расторопной. Поздоровавшись, они просто и душевно обратились к хозяину по имени.

— Как у вас чисто да ладно всё прибрано, — похвалила невестка гончара. — Сразу видно — хозяин работающий.

Гу Чжао, услышав голоса, тоже вышел поприветствовать гостей. За чашкой чая супруги из Шили дали понять: приехали они отблагодарить Сяо Чжао за идею с печью и те самые добрые слова, что он велел вырезать.

— Уж очень эти слова людям по душе пришлись, — улыбался гость. — Весь округ к нам повалил.

— Благо печи у нас свои, да дрова заготовлены были, а то не ровен час — и не сдюжили бы такой наплыв.

— Отец велел передать: этот год для нас благодаря вам выдался добрым. Если впредь что обжечь понадобится — приходите, не стесняйтесь, за нами не заржавеет.

Гончар Чжу на этих печах под самый праздник выручил немалые деньги. К тому же дело это было не разовое — со временем можно и в город поставки наладить. А раз идею подал Гу Чжао, мастер велел детям отвезти в подарок семье Ли всяческих благ.

Гости привезли щедрые дары: кувшин доброго вина, голову сахара да сушеные фрукты. Мяса брать не стали — знали, что Ли Да сам мясник.

Отца дома не оказалось. Сын гончара с женой хотели было откланяться, но Ли Чжоучжоу и слушать не пожелал — велел оставаться к обеду. Бойкая невестка гончара поначалу отнекивалась, ссылаясь на дела в доме, но против гостеприимства Чжоучжоу устоять не смогла.

Тогда в дело вступил Гу Чжао.

— Я тут одну вещицу задумал обжечь, — с улыбкой начал он. — Хотел после праздников к вам отправить, да раз уж вы сами заглянули... Не подождете ли немного? Я мигом чертеж набросаю.

— Конечно подождем! — охотно отозвался сын мастера.

Тут уж и его жене деваться было некуда — закатав рукава, она пошла на кухню помогать Чжоучжоу.

Гу Чжао задумал сделать чайные кружки — большие, с крышками и удобными ручками. В деревнях-то воду пили из простых чаш: ни крышки тебе, ни ручки. Зимой, пока донесешь, пока соберешься глотнуть — вода уже ледяная.

В городе, конечно, продавались изысканные чашечки — маленькие, расписные, для господ. Были и дешевые грубые кружки побольше, но и те шли без ручек и крышек. Гу Чжао не был утонченным ценителем церемоний — ему нужно было просто утолить жажду, причем

основательно.

— А это что же такое? — спросил сын гончара, разглядывая рисунок. Вроде чаша, да больно велика, и ручка какая-то странная.

— Это большая кружка для чая, — пояснил Гу Чжао. — Бывает, засяду я за книги, зачитаюсь, а как захочу пить — вода в чаше уже холодная. Вот я и подумал: с крышкой-то тепло дольше сохранится, а с ручкой держать сподручнее. Сможете такое сделать?

— Сделаем, отчего же нет. Работа нехитрая.

— Вот и славно, — обрадовался Сяо Чжао. — А если дно пошире сделать, так и еду в ней носить можно. Весной-то, как в поле работа начнется, буду отцу обед носить. С крышкой и не прольется ничего, и мошкара не залетит.

Невестка гончара, как раз вносящая в залу блюда, услышав это, только руками всплеснула от восторга. Ей ли не знать, каково это — носить обед мужчинам в страду. Обычно в корзинах всё болтается, каша расплескивается, да и идти приходится осторожно. А с такой посудой — и чисто, и удобно.

— Не беспокойтесь, брат Гу, — заверил сын мастера. — Как только печи после праздников разожжем, первая же партия кружек — ваша. Сам привезу.

Теперь он и сам понял, почему отец называл Гу Чжао умником. Раньше-то он думал: «Ну ученый и ученый, до нашего Учёного Чжу ему далеко». Но сегодня он увидел, что Гу Чжао человек простой и дельный. Нет в нем этой чванливости. И идеи его — не пустые вирши на бумаге, а то, что простому человеку в хозяйстве впрок идет.

Да еще и прибыль приносит.

Вскоре вернулся Ли Да, и обед был подан. Покончив с трапезой, гости отправились восвояси.

Ли Чжоучжоу показал отцу дары гончара. Ли Да только кивнул:

— Принимай, раз дают. Заслужили.

Чжоучжоу прибрал подарки, и на душе у него стало спокойно.

Двадцать девятое число выдалось хлопотным. После обеда Ли Чжоучжоу затеял жарить хворост. Расщедрился на белую муку, вбил три яйца и замесил два вида теста: одно с солью — для закуски, другое с сахаром — для лакомства. Дав тесту отдохнуть, он раскатал его в тонкие пласты, нарезал полосками, сделал надрезы, ловко перекрутил их и опустил в кипящее масло.

Масло на этот раз брал не свиное, а бобовое.

С пылу с жару хворост был мягким, но, остывая, становился ломким и удивительно хрустящим.

Первую миску Ли Чжоучжоу отнес мужу, выбрав кусочки и сладкие, и соленые. Оставшееся в котле масло пошло на жарку мясных шариков с редькой.

— Может, и курицу пожарим? — спросил Гу Чжао, протягивая супругу кусочек хвороста.

Тот откусил, а остальное муж съел сам, причмокивая от удовольствия. Ли Чжоучжоу смутился и поспешил сменить тему:

— Курицу тоже жарить?

— Обваляй кусочки в муке с яйцом, пусть корочкой возьмутся. В масле прижарим до полуготовности, а потом в жаркое добавлять будем.

Юноша быстро смекнул:

— Это вроде мяса в горшочках выйдет. Просто и сытно.

Раз муж хочет — Чжоучжоу сделает. К Новому году всё равно полагалось резать птицу. Скупиться в этот праздник не пристало: в народе говорили — если в Новый год пожадничаете, весь следующий год впроголодь проведете.

Ли Чжоучжоу вернулся к очагу, а Гу Чжао отложил книги, вытер руки и пошел на кухню — подкладывать дрова в огонь.

Так они и трудились вдвоем. Время летело незаметно, и вскоре за окном стемнело — пришла пора ужинать. Готовить ничего нового не стали: разогрели на костном бульоне жареные мясные шарики с капустой и подали с горячими лепешками.

Наступил канун Нового года.

Позавтракали рано. У Ли Да на сегодня осталось два последних заказа. Нужно было управиться до наступления темноты: первого числа первого месяца нож в руки брать нельзя.

— Отец, мы с мужем в деревню Дунпин пойдем, учителя навестить, — сказал Ли Чжоучжоу.

Ли Да одобрителем кивнул.

Гу Чжао облачился в новое одеяние. Прежний хозяин тела был человеком щепетильным: раз уж с учеными степенями не задалось, так хоть во внешности он старался держать марку. Деревенские-то все в коротких куртках ходили. Только Гу Чжао предпочитал длинные одежды.

Сначала он поправлял здоровье, потом вошел в семью Ли... Ли Гуйхуа, собирая его вещи, знала его вкусы и подготовила два новых наряда: один легкий, другой на вате. Всем вокруг потом жаловалась, сколько ткани да ваты на них ушло.

Платья были с запахом на правую сторону, широкими рукавами и полным комплектом нижнего белья.

Поначалу Сяо Чжао ходил в старом платье — застиранном, с выцветшими краями. В деревне он выглядел таким бедным, но милостивым книжником. Зимой, сидя дома, он частенько таскал старые вещи Ли Чжоучжоу. В короткой куртке было куда сподручнее. Но сегодня, собираясь к наставнику, Гу Чжао решил соблюсти приличия. Ли Чжоучжоу же и вовсе подошел к делу со всей серьезностью.

Он сам достал из сундука «приданный» халат — глубокого темно-синего цвета.

— Муж мой, позволь, я тебя причешу, — юноша взял гребень и принялся бережно распутывать волосы супруга.

Дома-то Гу Чжао обычно просто перехватывал их в хвост.

— Хорошо, — улыбнулся тот.

Муж послушно замер, отдаваясь в руки Ли Чжоучжоу. Сам Чжоучжоу обычно собирал волосы в аккуратный пучок на макушке, закалывая его деревянной шпилькой. Гу Чжао думал, что и его причешут так же, но юноша решил иначе. Он собрал лишь часть волос в пучок, перевязав его синей лентой, а остальные оставил свободно спадать на плечи.

— Это... не слишком ли? — засомневался Гу Чжао.

Он хотел было попросить собрать всё наверх, но, обернувшись, увидел, каким восторженным взглядом смотрит на него муж. Сяо Чжао промолчал. Он всё понял. Чжоучжоу просто нравилось смотреть на него.

— Хорошо ли я выгляжу?

Ли Чжоучжоу казалось, что муж просто невероятно красив. Он и в обычные-то дни был хорош, а сегодня — будто вернулся тот день их свадьбы.

— Очень хорошо, — довольно кивнул он.

Его маленький Сянгун был просто ослепителен.

Этот темно-синий цвет на ком другом смотрелся бы скучно, подчеркивая смуглость кожи, но Гу Чжао был белен лицом. Раньше эта бледность казалась болезненной, но теперь он окреп. Белоснежная кожа, соболиные брови, высокий полет носа и красивые губы — глаз не оторвать.

— Тебе правда нравится? — Гу Чжао поднялся и даже картинно повернулся.

Ли Чжоучжоу не мог отвести взора.

— Тогда... когда вернемся вечером... Хочешь, я не буду переодеваться, когда мы пойдем на кан?

Юноша мгновенно вспыхнул. Муж снова взялся за своё! Разве можно так — это ведь одежда ученого мужа! Но, глядя на красавца-супруга, он не смог устоять. Ничего не ответил, лишь буркнул, что пора выходить.

Гу Чжао только хитро прищурился.

«Значит, сегодня будем осваивать кан в этом наряде».

Супруги вышли со двора. У ворот деревни им встретились несколько тётушек, возвращавшихся с рынка. Поздоровались, обменялись парой слов. Чжоучжоу сказал, что идут в деревню Дунпин к Учителю Чжао. Вежливо раскланялись и разошлись по делам.

Едва фигурки супругов скрылись за поворотом, тётушки зашептались:

— Видали? Ох и привалило же счастье Ли Чжоучжоу с этим муженьком! — одна из них подняла большой палец вверх.

— Да уж, краше него я в наших краях и не встречала.

— И как он к Чжоучжоу ластится! Тот велит идти — он и идет, да еще и за руку его держит. Прямо медовый месяц у них, любо-дорого глядеть. А мы-то поначалу думали, что проку от этого книжника не будет... Теперь-то видно — пара они идеальная.

— И то правда. Помните, как Ваны болтали — мол, не выйдет из него ученого? Ну, с Учёным Чжу ему, может, и не тягаться, но поболее нашего смылит. Гляньте на печь — ведь он её придумал! Пройдет пара лет, глядишь, и в поле ему выходить не придется. С такой-то головой,

да умением читать-писать... Будут жить как брат Ли Да, в город переберутся да горя знать не будут.

— Верно говоришь. Да и лицом он дюже пригож. Как нарядится — так наш Учёный Чжу перед ним как деревенщина лапотная...

<http://bllate.org/book/15349/1419377>